

18+

Ночные кошмары
Ханако 4:
Семейные узы

+18

Неизвестный 1987

!!!

Внимание:
содержит
шокирующие
сцены.

Неизвестный 1987

Ночные кошмары
Ханако 4: Семейные узы

«Издательские решения»

1987 Н.

Ночные кошмары Ханакко 4: Семейные узы / Н. 1987 —
«Издательские решения»,

Четвертая часть рассказывает о детстве Юки одного из главных героев, о знакомстве с жестокой реальностью. Главный герой становится опорой для бедной девочки, проводя с ней много времени, помогает ей пережить череду несчастий и злоключений, втягивая в ее жизнь как не последних участников мать Ханакко и бабушку Каори, у которых девочка Аяко многому учится, став неотъемлемой частью семьи.

© 1987 Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Жестокая реальность	6
Глава 2: Аяко	14
Глава 3: Осень печали. Два года спустя	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ночные кошмары Ханако 4: Семейные узы

Неизвестный 1987

© Неизвестный 1987, 2026

ISBN 978-5-0070-8062-0 (т. 4)

ISBN 978-5-0068-8510-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Жестокая реальность

К моменту, когда Юки пошел в школу, Ханако уже заканчивала университет. Она начала помогать Каори в ресторане. В двадцать три года Ханако прекрасно разбиралась в экономике, но предпочитала оставаться с приемной матерью, зная о ее недуге. Она много сил вкладывала, чтобы Каори жила спокойно. Но и это длилось недолго: к четвертому классу начальной школы уже начались проблемы у Юки, когда классы переменялись.

В его класс попали Коджи и Рета Окада, дети Таэко, что люто ненавидела Ханако. Старший, Коджи, сам по себе был проблемным, а еще и мать их настраивала с рождения против семьи Арасияма, а он был ее любимчиком.

Таэко с колыбели внушала сыновьям:

— Когда-нибудь вы отомстите за то, что сделала эта стерва! Проклятая потаскуха Ханако, из-за нее меня вышвырнули из школы! Коджи, Рета, надеюсь, вы когда-нибудь расправитесь с этой мразью! — Ее лицо порой менялось в жуткую вульгарную гримасу. — Из-за нее мы прозябаем в этой лачуге! А эта сука получает хорошее образование, слышала, она уже заведует рестораном. Я тоже могла бы так же, если б не она!

Уверенные в правоте матери, они питали ненависть к людям, которых даже не знали.

С первого триместра четвертого класса начальной школы Коджи с компанией начали доставать Юки. Они часто поджидали его после школы на площадке.

К девяти годам Юки был довольно высоким и, несмотря на худобу, отличался любовью к спорту. Коджи с друзьями, окружив его на площадке, резко толкнули на землю:

— Эй, ублюдок, нашу мать исключили из школы из-за твоей шалавы!

Компания пинала его, не давая встать. Юки оставалось лишь закрывать руками голову. Коджи, наклонившись, ударил его несколько раз по лицу:

— Запомни, урод! Я буду бить тебя каждый день и превращу твою жизнь в ад. И только попробуй наступать!

Юки вернулся домой в растрепанной грязной одежде. Его рубашка была порвана. Каори, подбежав к нему, воскликнула:

— Что случилось? Кто тебя так избил?..

— Коджи со своей компанией, — признался Юки, добавив: — Он сказал, что превратит мою жизнь в ад!

Каори, взяв его за руку, повела в ванную.

— Эти Окада! Их мать доставала мою малышку Ханако в средней школе. Я поговорю с директором.

Она помогла ему умыться и, обработав ссадины, сказала:

— Пойдем, приготовлю тебе что-нибудь сладкое.

Каори умела снимать боль и грусть. Почему-то даже простой разговор или касание ее рук облегчали страдания.

Ханако, вернувшись с учебы и увидев избитого Юки, встревоженно воскликнула:

— Что случилось? Ю... Кто тебя...

Каори, подавая блюдо на стол, перебила ее:

— Присядь, отдохни. Это сыновья Окада с компанией его побили.

Ханако, развернувшись, вскочила, желая выйти из-за стола:

— Я сейчас устрою этой мрази!

— А ну сядь! — Каори, схватив ее за руку, остановила приемную дочь. — Не хватало, чтобы ты в порт одна поехала... Ты же знаешь, где она живет и чем промышляет! Даже не думай туда соваться!

Ханако, закусив губу, сказала:

— Я любого, кто тронет Юки...

Каори была очень строгой, несмотря на мягкий характер:

— Знаю, дорогая, но для него будет лучше, если ты будешь с ним! А в порту с тобой может случиться что угодно!

Юки, подойдя к ней, обнял Ханако за шею:

— Мам, не переживай, я сам справлюсь!

Юки очень скоро пришлось научиться драться. Друзья не ввязывались в разборки между ними, да и он сам никогда не просил о помощи, в драке полагаясь лишь на себя. Часто приходя домой избитым, Юки проводил основное время не за занятиями, а в гараже с гантелями.

Ханако часто видела его занимающимся:

— Тебя снова побили эти выродки!

— Да, мам, сложно драться одному против пятерых! — ответил он.

Ханако, ставя мотоцикл, задумавшись, обронила будто невзначай:

— Тогда, может, тебе попробовать отделать их поодиночке! Они же только кучей могут с тобой справиться.

Намек, который дала мать, был действителен лишь отчасти, но все же работал. Войдя в класс, он сразу же подошел к одному из друзей Коджи и Реты, ударив его в живот:

— Если ты еще раз полезешь ко мне с вашей сворой, то я поймаю тебя и изобью, когда ты будешь один!

Это слышали все присутствующие в классе. На Юки косились одноклассники, ведь его лицо все-таки было в ушибах. Такая наглость не осталась безнаказанной: Коджи и Рета, собравшись с друзьями, избивали его за школой до потери сознания. В ход шло все, что попадется под руку, — от камней до палок. Они разбежались, когда он упал и перестал двигаться.

Каори, сильно переживая, сидела на веранде:

— Юки что-то задерживается. Пойду прогуляюсь, может, встречу его по пути.

Она неспешно прогулялась до школы, зашла к паре его друзей узнать, не с ними ли он, но ближе к вечеру ей пришлось вернуться домой одной.

Ханако, приехав с занятий, вошла в пустой дом. Это было необычно, ведь к этому времени Юки либо качался в гараже, либо занимался в комнате, а Каори готовила или отдыхала за чашкой чая.

Выйдя на веранду в сад, она спросила, увидев Каори одну:

— Мама, что-то случилось? А где Ю...

— Он сегодня не пришел из школы, — ответила Каори, сжимая руки на груди, расстроенная и усталая. — Я пробовала его найти... Прости, это мое больное сердце. Я не могу подолгу ходить...

Ханако взволнованно убежала:

— Не бойся, мама, я его найду! Не переживай...

Юки, очнувшись в высокой траве, молча отряхивался от грязи. Несмотря на боль, он брел, плохо различая дорогу, навстречу едущему мотоциклу Ханако. «Какой знакомый звук, похож на мамин „Кавасаки“...» — думал он, когда его кто-то схватил, обняв.

— Ю... Что эти сволочи с тобой сделали! Садись, поехали домой. — Ханако, поцеловав его, вытирала кровь и грязь с лица Юки.

Каори встретила их у гаража, когда они подъехали:

— Не переживай, мам, я его привезла домой!

Каори, помогая Юки, нервно произнесла:

— Пойдем, я сделаю тебе ванну. Дорогая, приготовь аптечку: ему сильно досталось!

После ванны Каори старательно бинтовала Юки. Его кулаки были сильно разбиты: было видно, что сегодня он дрался всерьез.

— Потерпи, я сейчас закончу. Хочешь что-нибудь поесть?

Юки все так же сдержанно ответил:

— Спасибо, бабушка, я пойду отдыхать.

Ханако сидела допоздна рядом с его кроватью. Каори, войдя, погладила ее по спине:

— Иди поспи, тебе завтра на занятия! Я посижу с Ю...

— Это я виновата, — Ханако, сжимая кулаки, не сдержавшись, заплакала. — Это я надумала... дала плохой совет, и он пострадал из-за этого...

Каори, обняв ее, сказала:

— Нет, не бывает советов от злых людей! Но я знаю, Юки справится, он крепкий парень. А сейчас иди спать. Посмотри на его руки, и ты поймешь, что он очень сильный.

Этой ночью ей снова снился жуткий сон из-за перенесенного стресса.

Ханако шла по дороге за Юки. Почему-то она была снова маленькой девочкой. Дорога тянулась бесконечно, и ей не удавалось догнать Юки: как бы он ни шел медленно, у нее никак не получалось дотянуться до него. Их обгонял лишь горячий ветер, несущий красный песок. Окликнуть его она тоже не могла: из-за сухого горячего воздуха в горле пересохло, а губы потрескались, и приходилось лишь следовать в монотонном темпе по кровавым следам, остающимся на красноватой глине.

Ханако, проснувшись, не хотела вставать и идти в университет, но Каори все же настаивала, чтобы она не пропускала занятий. Кому можно было остаться дома, так это Юки — ему нужно было поправиться из-за травм.

В школе Коджи и Рета болтали с друзьями:

— Не ссыте! Если он попробует еще раз на кого-нибудь из нас наехать, то мы его отделаем!

Коджи был уверен, что друзья поддержат: даже если Юки попробует их побить, то они отыграются на нем числом. Но действительность была не так проста, как ему казалось.

Оправившись через несколько дней, Юки вечером наведлся к одному из их друзей. Он, как всегда, был любезен с открывшей ему дверь женщиной:

— Добрый вечер! Я — Юки Арасияма. Тобу дома?

Женщина позвала сына:

— Тобуса, к тебе друг пришел!

Тобуса, выйдя из комнаты и увидев Юки, оторопел:

— Он мне не друг. Я не знаю его!

Юки окликнул его:

— Вы трусы! Даже не смотрите в лицо тому, кого избиваете? Как свора грязных дворняг!

— Уходи! Мой сын не знает тебя! — Женщина, оттолкнув его, сказала, добавив: — Нечего слоняться по чужим домам!

Юки, подняв футболку и показывая синяки, произнес:

— Здесь одна школа! Может, он это вспомнит, раз не знает одноклассника в лицо. Я вам представился! Если считаете, что это ложь, может, спросите нашего учителя!

Женщина, закрывая дверь, тихо сказала:

— Уже поздно. Иди домой!

Утром Тобуса вошел в класс в компании Коджи и Реты. Подойдя к Юки, он, усмехаясь, бросил:

— Че, ты думал, что-то изменит, если ты припрешься ко мне домой? И настучишь матери на меня?

Юки, встав, толкнул его:

— Нет! Я надеялся, что ты выйдешь и получишь по роже, как полагается!

— Ты еще получишь! — процедил Коджи, садясь на место.

Юки не стал долго думать над ответом:

— Тогда я тебе хоть сейчас навалю, перед всем классом! Пока вы не сбились в свору больных трусливых дворняг, ведь только так вы умеете драться! Подло, как грязные крысы!

Коджи, усмехнувшись и демонстрируя свою показную смелость, заявил:

— Да! Твоя мать — тупая шалава!

— Заткни пасть! — Юки, подойдя, ударил его. — Иначе не так получишь!

Учитель, вошедший в класс, рывкнул:

— Арасияма, быстро сел на место! Разборки свои устраивайте подальше от школы!

Коджи был не особо доволен поворотом событий: ведь Юки буквально поставил перед фактом, что готов побить его перед классом.

После занятий Юки уже ждала свора Коджи:

— Ну, че, посмотрим, какой ты смелый!

Они снова избивали его компанией. Это было удобно: ведь отбиться от пятерых сложнее, чем в честном бою. Коджи никогда не дрался один на один, предпочитая побеждать чужими руками.

Юки, поднимаясь и вытирая кровь с лица, хрипло бросил:

— Что, дворняги, снова в свору сбились? Я тебя завтра в школе отделаю, ничтожество!

Впервые у Юки появился шанс дать сдачи. Коджи, решив покрасоваться перед девочками, которые наблюдали за происходящим, подошел к качающемуся, избитому Юки, желая добить его:

— Следи за базаром, урод! Твоя мать — гребаная ша...

Он упал на землю от удара по лицу. Юки, учитывая, что уже был довольно высоким, быстро достал его, разбив нос Коджи:

— Заткнись, падла! Еще раз откроешь свой поганый рот, и я выбью тебе все зубы!

Коджи валялся в пыли, держась за лицо. Почему-то сейчас никто не подошел — ни Рета, ни друзья, которые буквально недавно избивали Юки.

Девочки стояли, хихикая над ним:

— Смотри, он и правда трус! Может, только компанией нападать!

Теперь уже Юки стал настоящим хулиганом. Тобуса он избил на следующий день. Утром, когда он вышел из дома в школу, Юки догнал его и толкнул в узкий переулок, где не было людей.

— Я же говорил тебе! Если еще полезешь, то избью!

— Попробуй, и ляжешь в больницу! — храбрясь, огрызнулся Тобуса.

Бравада быстро прошла, ведь переулок кончился тупиком, и бежать было некуда. Он вернулся избитый домой, не дойдя до школы.

С теми, кто учился в других классах, было посложнее, но и тут Юки нашел выход. На одной из перемен он выцепил одного из друзей Коджи и Реты и выволок его за шиворот на площадку.

— Я не такая мразь, как ты! Если хочешь драться, то давай по-честному, без вашей своры!

Несколько раз ударив его, он закричал:

— Ну почему сейчас ты не хочешь драться?! Ударь меня, чтобы я мог разбить тебе рожу!

— Нет, я не буду! — Парень, скорчившись от боли, лежал на земле. — Это все Коджи и Рета! Я вообще здесь ни при чем.

Юки, вернувшись на занятия, был доволен результатом, тем более что Коджи сидел с приличным синяком после удара. Братьев раздражал его довольный вид, и они планировали как следует отыграться на нем. Третий из компании, Коджи и Рета, ушел с последнего урока, не дожидаясь расправы.

Дошло дело и до братьев Окада. Коджи и Рета хотели поскорее покончить с тем, что учинил Юки. Подготовившись, они ждали его на поле за школой. Братья держали камни в руках, подобно макакам, пытающимся защититься от тигра или ядовитой змеи.

Рета храбростью не отличался. Швырнув камень, он чуть не попал в голову Юки, раскрыв их план.

— Вы трусливые ублюдки! Так и будете вести себя, как вонючие макаки! Вы такие же ничтожества, как ваша мать, которая могла обижать только слабых! Обворовывать и унижать тех, кто слабее, всегда легче!

Коджи бросил камень на землю.

— Возьми свои слова назад! Иначе сейчас получишь! Я и один с тобой справлюсь, мне никто не нужен, даже этот трус!

Рета уже бежал через поле к дороге.

— Ну так давай по-честному разберемся! — Юки подошел, подняв руки и показывая, что у него ничего нет, чем можно ударить.

Коджи рос в порту и часто видел пьяные драки моряков. Он кинулся на Юки без разбора, маша кулаками.

— Падаль, я расправлюсь с тобой, а после — с твоей мамашей!

Юки подловил его и резко ударил в живот, свалив Коджи с ног, после чего бил его по лицу.

— Как тебе? Нравится, когда тебя бьют? Больше никогда не смей оскорблять ее или лезть ко мне! Иначе ты получишь не так...

Юки вернулся домой позже, к приезду матери. Ханако, спрыгнув с мотоцикла, обняла и поцеловала его.

— Ю... Тебе опять досталось!

Юки с улыбкой ответил:

— Нет, мам, сегодня я их побил! Они, наверно, больше не будут лезть, а если что, то я их изобью!

Маленькая победа привела к большим проблемам. Ханако вызвали в школу, ей пришлось пропустить занятия в университете.

В кабинете стояла и Таэко; ее наряд был неуместен и походил больше на одежду для борделя.

— Я требую исключить из школы этого хулигана! Он напал на Коджи и Рету! Эти Ара-сияма о себе много возомнили!

Директор ударил кулаком по столу.

— Я знаю, как все было! Простите, госпожа Арасияма, что вам приходится пропускать занятия. Но вы должны были прийти! Юки избил на днях нескольких учеников, он сам признался в этом. Да и есть свидетели, что они его сами задирали, но впредь я попрошу, чтобы он такого не делал. Поговорите с ним об этом. Мне не хотелось бы строго его наказывать!

— Как же, — возмутилась Таэко, — вы хотите сказать, что этот мерзавец уйдет безнаказанным?!

Директор прервал ее речь:

— Если Коджи и Рета продолжат, то вам придется отправлять их учиться в другую школу! Да, наконец-то вы соизволили прийти, Окада! Вас давно вызывали. Почему Аяко ходит в грязной одежде и вся в синяках? Если вы не приведете ее в порядок, школа будет вынуждена ставить вопрос о ее опеке!

Таэко резко отшатнулась.

— Нет, не смейте! Аяко просто неуклюжая и невнимательная, она часто спотыкается и падает. Вы не можете ее забрать за это!

Ханако, вернувшись домой вечером и пропустив часть занятий, вошла в комнату Юки.

— Мне сегодня пришлось половину уроков пропустить из-за того, что вы подрались!

Юки встал и склонил голову.

— Прости, мам, я не хотел доставлять вам проблем.

— Не переживай, — Ханако взъерошила его волосы, — я не ругаюсь, но впредь будь осторожнее!

После их потасовки с Коджи Юки волей случая познакомился и с их сестрой.

Аяко была самой младшей из детей Таэко; братья часто обижали ее.

Коджи после уроков вывел сестру за волосы на площадку.

— Почему я должен провожать тебя домой?! Ты не в силах запомнить дорогу, тупица!

Запуганная Аяко тихонько молила, извиняясь:

— Пусти, пожалуйста, мне больно! Прости... Я постараюсь запомнить...

Коджи толкнул ее и начал бить по лицу.

— Ты никчемная! Зачем мать родила нам такую неудачницу?!

Рета просто стоял и смотрел, как брат бьет сестру.

Юки подбежал и толкнул Коджи.

— Ты трус! Не такие вы уж смелые, когда вдвоем! — сказал он в лицо лежащему в пыли Коджи.

— Твоя мать — шалава... — прошипел тот.

Юки очень сильно разозлился. Он бил лежащего Коджи.

— Не смей ее оскорблять!

За Коджи лишь вступилась Аяко. Она подбежала и попыталась оттащить Юки худыми руками, пока Рета стоял как вкопанный.

— Пожалуйста, не бей больше брата!

Юки встал и поправил одежду.

— Ты добрая, раз жалеешь такую мразь!

Аяко, стоя перед ним, растрепанная, в грязной одежде, воскликнула:

— Он мой брат! Не бей его больше!

Коджи, схватив ее за руку и стиснув зубы, рывкнул:

— Пошли домой! Не разговаривай с этим ублюдком! Забыла, что говорила мать? Это из-за его тупой шалавы ее выгнали из школы, из-за них нам приходится жить в этой старой халупе!

— Я тебе говорил, чтоб ты не смел оскорблять ее! — Юки, разозлившись, хотел догнать Коджи.

Аяко, преградив ему путь, взмолилась:

— Пожалуйста, прости! Если хочешь, ударь меня! Коджи, прошу, больше не оскорбляй госпожу Арасияма! Не слушай маму! Доктор сказал, что она не в себе!

Юки остановился перед девочкой, сжав кулаки, чтобы унять обиду. Он молча смотрел в ее тусклые серо-зеленые глаза. *«Почему... Зачем ты защищаешь этого гада? Неужели тебе настолько безразлична своя жизнь...»* — думал он, уже глядя вслед худенькой девочке.

Дома Коджи избил сестру за то, что она вступилась за него.

— Никогда не разговаривай с ним! Этот ублюдок, они во всем виноваты! — кричал он, колотя ее.

Аяко, убежав в комнату, легла на большой деревянный ящик, застеленный старой одеждой и накрытый простыней, — он служил ей кроватью.

Скрипнула дверь. В дом вошла подвыпившая Таэко и весело рассмеялась. Завидев побитого Коджи, она произнесла:

— Тебя снова побил этот змееныш?

— Да, мам... Этот поганый ублюдок... — ответил он, всхлипнув.

Таэко была одета в красное вечернее платье с глубоким вырезом, практически открывавшим ее грудь. Спотыкаясь на высоких каблуках, она скинула с плеч боа и, подойдя, бесстыдно прижала сына к груди. От нее пахло дорогими духами и виски.

Поцеловав Коджи в лоб и оставив след красной помады, она с улыбкой произнесла:

— Потерпи, сынок. Когда ты вырастешь, то прикончишь этого выродка, ведьму и чертову шалаву...

Коджи уткнулся лицом в вырез платья и, теперь уже желая развлечься, выпалил:

— Эта недотепа Аяко говорила с ним, с этим ублюдком...

Таэко словно перемкнуло, и она, резко встав, пошла в комнату дочери.

За дверью Аяко, услышав стук ее каблуков, сжалась от страха.

Когда дверь распахнулась, она лишь прошептала:

— Мама...

Таэко вцепилась в нее, разорвав школьную рубашку, и ударила ладонью по оголившейся спине.

— Я тебе говорила, что мы так живем из-за этих ублюдков!

Коджи, упиваясь зрелищем, смотрел, как мать лупит сжавшуюся младшую сестру и орет на нее.

После таких побоев Аяко обычно пропускала занятия, не бывая в школе порой неделями.

Таэко плохо относилась к дочери, и той лишь приходилось мечтать о сытной жизни. Так и в этот раз Аяко довольствовалась малым, в отличие от Коджи и Реты. Она часто голодала из-

за бедности их семьи: Таэко редко могла хорошо заработать, подрабатывая на пристани или более постыдным образом. Когда приходили мужчины, Аяко вела себя очень тихо и никогда не покидала комнаты, порой прячась в старый шкаф. Об их матери ходила дурная слава по школе. Коджи часто срывался на ней и дома, поэтому она приходила в школу в синяках. Юки был единственным, кто начал вступаться за нее, даже перейдя в среднюю школу.

Глава 2: Аяко

Аяко сдружилась с Юки. Она часто убегала из дома, чтобы избежать ругани и издевательств над ней. Ханако поначалу была против такой знакомой: не доверяла ей, хоть девочка и была абсолютно безобидной.

Однажды Аяко сидела в саду рядом с поленницей. На ее руках и ногах были свежие ушибы. Ханако, выйдя развесить постиранное, случайно наткнулась на нее.

— Ты снова здесь!

Аяко сжалась от страха.

— Простите... Пожалуйста, можно я Юки подожду?

Ханако подошла к ней и посмотрела на забитую, напуганную, тощую девочку.

— Таэко тебя так? — сухо спросила Ханако.

Аяко, глядя в землю, тихо ответила:

— Коджи и Рета меня бьют. Иногда она бывает доброй, когда мужчины дают много денег, но это редко...

Ханако было неприятно такое слушать. Она отвела взгляд в сторону, чтобы не смотреть Аяко в глаза.

— Пошли. Тебе нужно умыться и обработать ссадины.

Аяко молча пошла за ней в ванную. Ханако, умывая ей лицо, чувствовала, как жжет в груди — что-то давнее и болезненное. Боль, которую она сама долго пыталась заглушить. Память о жизни в приюте.

— Придется немного потерпеть! — Она сдерживалась, не показывая вида, что гложет изнутри. — Теперь стой, не вертись. Промою твои ранки. Я пойду и заявлю на нее в полицию. Тебе нельзя там больше находиться!

Аяко резко дернулась и замотала головой.

— Нет, прошу, не надо... Коджи изобьет меня, если узнает, что я была у вас... Я пойду, простите...

Ханако держала ее за руку и старалась быть мягкой.

— Пой. Мама приготовила сладости. Хотя бы у нас поешь как следует! Ты очень худая. Ты вообще ешь дома?

Аяко сопротивлялась.

— Да... Я просто такая...

Ханако резко поправила ее и строго сказала:

— Не ври мне! Ты же не знаешь, кто я. Сомневаюсь, что твоя мать рассказывала правду обо мне. Я тебя не отпущу! В таком состоянии ты скоро упадешь в обморок, если не поешь. Вы же с Юки хотели куда-то пойти?

Аяко успокоилась и посмотрела в выразительные, красивые, сверкающие янтарем карие глаза Ханако.

— Он обещал показать, где можно рыбачить, и поучить меня, — ответила Аяко, будто очарованная ее взглядом.

Ханако повела девочку на кухню.

— Ю... часто приходит с рыбалки с хорошим уловом. Здорово, если ты научишься так же ловить рыбу. Странно, а твои братья разве не рыбачат?

Аяко посмотрела на нее.

— Нет. Они целыми днями обычно где-то слоняются с друзьями.

Юки спустился вниз и, пробежав мимо кухни, бросил:

— Мам, я не буду завтракать, пойду с другом на рыбалку.

Ханако окликнула его строгим голосом:

— Ю... Подойди ко мне!

Он вошел и увидел Аяко, сидящую за столом, и Ханако возле плиты.

— Сядь! Поешьте как следует, потом пойдете. Вам собрать перекусить с собой?

— Спасибо, мам, я уже собрал! — Он держал рюкзак в руках.

Ханако взяла его рюкзак.

— Давай я вам еще что-нибудь соберу. Аяко нужно лучше питаться. Научишься ловить рыбу — сможешь позаботиться о себе. Если будет хороший улов, я научу тебя готовить.

После завтрака Юки и Аяко ушли. Они прошли через сад к каменистому пляжу.

Каори, подойдя к Ханако на кухне, сказала:

— Ты выросла и стала прекрасной матерью! Эта девочка — дочь Таэко, но все же ты к ней так хорошо отнеслась.

Ханако поставила чайник и оперлась на стол. Ее лицо стало холодным, исказилось болью.

— Я не смогла ее прогнать. Над бедной Аяко постоянно издеваются. Как я увидела, что с ней сделали братья и Таэко, была готова пойти разорвать их за это. Ведь мне самой часто доставалось... Но мы можем ей лишь немногим помочь. Если она будет дружить с Юки, то хотя бы будем присматривать за ней.

Каори обняла Ханако и погладила ее по голове.

— Да, дочка! Когда ты пришла — уставшая, маленькая и очень худенькая, — я тоже очень злилась на тех, кто посмел такое сделать! Ты тогда готова была умереть, но не возвращаться в приют...

Ханако посмотрела в глаза Каори.

— Мам, я хочу пойти в полицию по поводу ее дочери. Эта Таэко совсем не следит за ней! Но Аяко боится, что ее избыют... И имею ли я право на это?

Каори сама в такой ситуации не знала ответа.

— Прости, милая, но я эти годы переживала за тебя и Юки и никогда не вмешивалась в чужие семейные дела. Лишь раз приходила к Мане узнать, как у них дома, когда мне Томо попала на глаза в синяках. Но это другое: я знаю Ману, ведь она уже порядочно работает шефом в нашем ресторане, и мы прекрасно друг с другом знакомы! — Она взяла дочь за руку и продолжила: — Ты прекрасно знаешь: Таэко Окада опасна! Эта женщина может и вправду навредить Аяко...

Ханако подала на стол чай.

— Спасибо, мам. Ты всегда давала мудрые советы. Ведь я прямо сейчас бы взяла битую и хорошенько врезала ей!

— Да, но мы не можем избить каждого, — Каори рассмеялась, — каким бы мерзавцем он ни был!

Юки привел Аяко на пляж и показывал девочке снасти.

— Если хочешь, можешь брать мои удочки. Здесь тебя вряд ли кто увидит. Попробуй забросить снасть с блесной. Не переживай, если поначалу не получится.

Аяко быстро устала от забросов.

— Ю... Это так сложно! У меня руки болят, а ничего не попало...

Он подошел и забрал спиннинг.

— Отдохни. Все-таки, пока ты не поправишься, тебе будет сложно ловить рыбу таким способом.

Немного похажив по берегу с удочкой, он предложил:

— Смотри, можно попробовать наловить бычков с того камня.

Юки переоснастил спиннинг и помог ей взобраться на валун у кромки воды. Они сидели на нем вдвоем. Аяко нравилось учиться, она старалась запомнить, что делает Юки.

Когда Аяко впервые в жизни поймала рыбу на удочку, она сильно перепугалась: это был крупный бычок — оцетинившись, он висел на леске.

Аяко уронила спиннинг и спряталась за Юки:

— Какой он страшный! Как это чудище отцепить...

— Не бойся, — он, взявшись за рыбину, показал бычка ей. — Но с таким нужно быть осторожнее, чтобы не пораниться о шипы. Ты скоро привыкнешь. А ведь они очень вкусные!

Она пробовала отцеплять мелких бычков: крупные ее пугали. Для первого дня Аяко неплохо справлялась, и к обеду они вернулись с уловом.

Подойдя к Ханако и Каори, Юки продемонстрировал крупного жирного бычка:

— Смотрите, его Аяко поймала!

Ханако взяла контейнер:

— Правда, здоровый. Пойдем со мной, я тебя научу разделывать.

Аяко было неприятно такое зрелище, но Ханако настаивала, чтобы она пробовала делать это сама.

— Если ты не научишься, толку от рыбалки не будет!

Они устроили небольшой праздник для нее: Аяко впервые ела вдоволь. В этот день она была сыта и счастлива, проведя время с теми, кто не желал ей зла.

Она вернулась домой, как обычно, под сумерки. Братья уже сидели за столом и жадно поедали приготовленный ужин.

Сегодня Таэко была довольна. Она положила с полчашки риса для Аяко и полила его остатками подливы:

— Вот, ешь.

— Мам, для нее это слишком много! — возразил Коджи. — Лучше доложи мне!

Таэко резко переменилась:

— Ты и так сыт всегда! Если б вы не вели себя как скоты, еды хватало бы поровну. Коджи, а ты смотри, не испорти новую форму Аяко!

Бывали моменты, когда Таэко принимала сторону дочери, скупко одаривая ее вниманием.

Она взяла пустую чашку и разбила ее о голову Коджи:

— Я тебя самого на лапшу пушу!

Напуганная Аяко быстро заталкивала в себя поданный ей рис, несмотря на сытость.

— Спасибо, мама, я благодарна тебе, — пробормотала она.

Это блюдо не отличалось изысканностью, но и такое в этом доме для нее было получить за счастье. Таэко редко была «щедрой» к ней: в ней словно жило несколько разных людей. И добрая Таэко была нечастой гостьей в этом доме — и гостила недолго.

Аяко, войдя в комнату, увидела разложенную новую летнюю школьную форму. Коджи был ужасно зол на нее, но послушаться матери не смел. Утром Таэко еще была в хорошем настроении, и Аяко получила порцию больше, чем обычно. Она пошла в школу в новенькой чистой форме, буквально преобразившись внешне — несмотря на жуткую худобу и ушибы.

Подбежав к Юки на перемене, она показала ему форму:

— Смотри, мне мама купила новую форму! Пойдем пообедаем вместе!

Юки никогда не отказывал ей в компании: на переменах они часто общались.

Коджи ждал, когда эйфория Таэко пройдет, чтобы рассказать об этом. Ждать долго не пришлось: к концу недели она вернулась в свое обычное состояние.

Аяко, услышав привычный резкий голос матери, едва успела увернуться от брошенного в нее ковшика с кипятком:

— Ты где была, дрянь?! Я знаю, что ты водишься с сыном этой паскуды!

Аяко закрылась в комнате и спешно переоделась в старую одежду.

— А ну открывай, тварь! — доносилось снаружи.

Запратав форму в груди старых вещей, она вышла из комнаты. Таэко, вцепившись в нее, словно гарпия, била ее на потеху братьям:

— В этом доме никто не должен дружить с ними! Ты для Арасияма лишь дворняга! Они смеются над нами! Вижу, ты отождралась! Так в этом доме ты не получишь ни крохи! Иди хоть продай себя, если жрать хочешь!

Этой ночью Ханако снился жуткий кошмар. Она ходила по старому дому, а по стенам тянулись жуткие тени. Стучали в двери, раздавались жалобные крики. Под ногами крутились крысы, не давая толком сделать шаг. Кирико хохотала, появляясь и исчезая, заставляя Ханако то и дело оборачиваться: она постоянно дергала и толкала ее.

От сильного толчка в спину Ханако оказалась на полу, кишасщем мерзкими тварями, которые набросились на нее. Придавленная тяжестью кишасщих повсюду крыс, она пыталась столкнуть их с себя, чтобы выбраться.

Хриплый голос во тьме прошептал:

— Ха... на... ко...

Крысы давили ей на грудь так, что было сложно дышать.

Она проснулась от страха, лежа на полу.

— Ненавижу эти сны...

Войдя в комнату Юки посреди ночи, Ханако улеглась рядом с ним, плотно прижавшись.

— Снова кошмары, мам? — спросил он обняв ее за плечи.

— Да, Ю... Мне теперь не уснуть одной. Я посплю у тебя... — ответила она, засыпая.

Утро в доме Окада, как обычно, было малоприятным. Коджи и Рета уже сидели за столом, завтракая, когда на кухню тихонько вошла Аяко. Она тихо попросила:

— Мам, можно мне...

Таэко схватила ее за руку:

— Что, жрать хочешь? Но наша еда не столь изысканна. Но я приготовила тебе отдельную порцию!

Она втокнула ей в рот ложку горячего риса — он обжег все внутри. Ложка с рисом вывалилась на пол.

— Разве тебе не понравилось? Мое угощение слишком простое для тебя? — ругалась Таэко на дочь. — Или ты возомнила, что можешь раскидывать еду, заработанную мной?!

Аяко встала на колени и стала собирать рис руками.

— Очень горячо... Прости...

Таэко вцепилась в ее спутанные волосы и посмотрела в испуганные глаза:

— А я думала, богачи всегда горячее едят! Тебе стоит это проглотить! Здесь ты больше сегодня ничего не получишь!

Собрав свою маленькую порцию, Аяко вышла из дома, держа в руке горстку риса.

Рыбак, который шел ей навстречу, предложил:

— Если хочешь поесть, Аяко, пойдем ко мне! Мы не расскажем твоей матери об этом.

Девочка из портовых никому не верила: она знала, что за все, что они предлагают, придется заплатить высокую цену. Она поднялась по набережной и побежала к дому Арасияма.

Ханако уже ждала ее, как обычно, сидя в саду.

— Аяко, ты сегодня пришла позже. Тебя снова избили... Пойдем скорей, я обработаю раны.

— Можно вас спросить? — Аяко протянула на ладони горсть вареного риса.

— Что это? Рис... — нахмурилась Ханако.

— Это моя обычная порция, — ответила девочка. — Может, я смогу наесться, если поймаю что-нибудь?

Ханако посмотрела на царапины возле шеи Аяко.

— Спроси Юки, он наверняка знает. А что с твоим голосом?

Аяко опустила взгляд.

— Рис был очень горячий и обжег мне рот.

Ханако обняла девочку и тихонько погладила, успокаивая.

— Тебе сильно досталось. Но не переживай, я приготовлю для тебя что-нибудь прохладное.

Аяко очень нравилось, как готовят Ханако и Каори: эта еда наполняла ее сердце теплом, в отличие от стряпни матери.

Юки вошел на кухню и спросил:

— Мам, у нас сегодня суши?

Ханако подала ему блюдо с супом.

— Ю... Это для Аяко. Ей сейчас трудно есть горячее. Но если будет хороший улов, я приготовлю на всех!

— Прости, Юки, я поделюсь... — Аяко извинилась и подвинула к нему тарелку.

Юки отказался:

— Спасибо, но мама приготовила это для тебя. Ешь, не переживай. Тебе нужно набраться сил!

— Ой, я же хотела узнать... Можно поймать что-нибудь на рис? Как же... Я где-то оставила его! — Она завертелась за столом.

Ханако подошла и коснулась ее плеча.

— Не волнуйся. Я дам вам немного попробовать.

— Спасибо, тетя Ханако, — поблагодарила девочка.

Уйдя рыбачить, они провели время в своем излюбленном месте. Туда сложно было попасть иначе, чем через сад, поэтому можно было не переживать, что кто-то придет внезапно. Аяко уже неплохо справлялась, но все же пугалась некоторых рыб.

Юки показал ей одну из хитростей, чтобы не упустить снасть: он привязал шнур к удищу, а другой конец — к ремню, который дал ей. Даже при сильной поклевке, если удочка выскользнет из рук, рыба не сможет утащить снасть.

— Ю... Скоро каникулы. Можно я буду приходить? — спросила Аяко и добавила: — С тобой так весело!

Юки ответил без тени сомнения:

— Да. Можно вместе гулять и не только рыбачить. Ты умеешь плавать, Аяко?

Она смотала удочку и села перед ним.

— Нет. А ты можешь меня научить?

Юки посмотрел на ее розовеющее лицо.

— Да.

Аяко легла на гальку.

— Ю... Я очень устала. Можно я посплю немножко? Никогда не замечала, как красив шум моря.

Сняв ветровку, Юки накрыл ею подругу, чтобы защитить от ветра.

— Ты можешь положить рюкзак под голову, так будет лучше.

— Эти камешки такие гладкие, что лежать на них удобно и так, — ответила она.

Она и впрямь уснула, лежа на морской гальке. Юки какое-то время смотрел на нее. Волосы Аяко были, как всегда, спутаны, обрезаны кое-как; рядом лежали ракушки, принесенные приливом.

Так она проспала, пока солнце не стало сильно пригревать. Они устроились перекусить там, где еще падала тень от валунов. В отличие от братьев, Аяко отличалась скромностью и мягкостью характера.

Юки протянул ей ланч-бокс:

— Ты мало ешь, поэтому сильно устаешь. А как в классе, ты успеваешь? Если хочешь, приходи делать уроки к нам.

— Правда, можно?! — робко улыбнулась Аяко и призналась: — Я дома не могу толком заниматься: мне приходится делать уроки поздно вечером... Но я не хочу доставлять вам проблем!

— Да не переживай, мы же друзья, — Юки встал, и порыв ветра взъерошил его волосы. Он продолжил: — Бабушка и мама не будут против!

Вернувшись, Аяко подошла к Каори, сидевшей с книгой на веранде:

— Простите, госпожа Арасияма, а где тетя Ханако?

Каори встала и коснулась ее головы:

— Дочка уехала по делам, но скоро вернется. Как вы много сегодня поймали! Давайте я разделаю...

Аяко возразила:

— Не переживайте, я сама все сделаю. Можно?

Каори проводила ее на кухню и предупредила:

— Будь осторожна: ножи очень острые.

К возвращению Ханако Аяко уже заканчивала с рыбой. Хотя пока не все получалось хорошо, она уже вполне могла похвастаться своими навыками.

Ханако вошла на кухню и похвалила:

— Какая ты хорошая хозяйка! Уже почти закончила!

Каори поддержала ее:

— Да, Аяко сделала все сама, без моей помощи!

Аяко стояла, чуть побледнев.

— Спасибо... Я столькому научилась у вас...

Ханако забрала у нее нож:

— Ты устала. Отдохни: пойди в сад или приляг на веранде — в это время там хорошо. Я сейчас все принесу.

Девочка задремала и проспала несколько часов. Каори накрыла стол на веранде и сидела, укрыв Аяко пледом. Юки сутился, коля дрова, чтобы приготовить рыбу на гриле.

Этим вечером она вернулась домой позже, тихо проскользнув в свою комнату, когда все спали.

Для Аяко выходные были маленькими спасительными островками — днями, когда она была сыта. Теперь она приходила к Юки после уроков, чтобы позаниматься. Ханако и Каори всегда угощали ее чем-нибудь. С наступлением летних каникул Аяко постоянно проводила время с Юки — подальше от дома и братьев, которые норовили ее обидеть. Таэко было наплевать, где пропадает ее дочь.

Юки вел Аяко по сосновому лесу и рассказывал:

— По этой тропинке мама пришла к дому бабушки Каори. Там, выше, находится закрытый приют. Мама мне рассказывала, как сбежала оттуда, и показывала это место.

Аяко собирала грибы и спросила:

— А можно туда сходить с тобой, Ю...? Ты можешь показать мне это место?

— Нам через лес не пройти, — ответил он, почесав затылок, — да и нас туда не пустуют: это опасное место.

Аяко грустно вздохнула:

— Жалко...

Задумавшись, Юки все же согласился:

— Хотя, если мы не будем там лазить, то можно сходить.

Аяко посмотрела на мелкие вытянутые грибы:

— Смотри, Ю... какие грибочки!

Юки остановил ее:

— Эти собирать нельзя: они несъедобные.

Аяко уже более-менее поправилась благодаря тому, что Каори и Ханако научили ее готовить и заботиться о себе самостоятельно. Даже одежда девочки стала чище и опрятнее.

Вечером, вернувшись домой, Аяко принесла немного грибов с собой. Таэко, как обычно, бросила ей немного риса в чашку:

— Ты сильно разожралась. Думаю, тебе стоит уменьшить порцию. Мне не на что тебя кормить!

Она стояла у окна кухни, вульгарно одетая, и курила, затягиваясь сигаретой через мундштук.

Аяко, несмотря ни на что, сохранила доброту:

— Спасибо, мама, мне этого хватит. Я сейчас приготовлю...

Таэко перекорежило:

— Че...

Братья, сидевшие за столом, заталкивали в рот пустой рис.

— Я немного грибов собрала, могу приготовить суп из них, — произнесла Аяко, показывая простенькую сумку, сшитую на уроке домоводства.

Таэко, негодуя, ответила:

— Хоть какой-то толк от такой никчемной девчонки!

Она пристально смотрела, как дочь принялась готовить. Пусть в супе были только разные съедобные грибы да та горсть риса, но все же это было больше, чем Таэко обычно давала ей.

Подойдя к плите, Таэко сказала:

— Дай попробую!

Взяв ложку, она зачерпнула немного бульона:

— Пресно и мерзко на вкус. Ты так ничему и не научилась. Но жрать можно: от недосоленной еды еще никто не помер.

— Спасибо, мама... — ответила Аяко, склонив голову.

Коджи и Рета смотрели, как она ест приготовленную ею похлебку. Отчасти их это раздражало.

— Посмотри, Ре... Как она давится своей стряпней... — Коджи потянулся к блюдечку Аяко.

Таэко остановила его, достала деньги из кошелька и протянула ему:

— Оставь, пусть ест. Сходите с Рета, купите мне сигарет и себе что-нибудь возьмите.

Коджи выхватил деньги и убежал с Рета. Первым делом они побежали в кино.

В то время как Аяко поужинала и ушла в комнату, она легла на свой ящик и уснула.

Рано утром она хотела ускользнуть из дома, но на кухне уже кто-то гремел посудой.

Выйдя из комнаты, она увидела Коджи, доедающего ее суп:

— Ну и поганая из тебя повариха! Че, пораньше к любовничку собралась?!

Таэко вышла растрепанной из комнаты и встряхнула копну пышных блестящих черных волос:

— Что расшумелись?

— Доброе утро, мама... Ты уставшая... — пробормотала Аяко, опустив взгляд.

Таэко увидела, как Коджи вываливает остатки на пол, и воскликнула:

— Ты скотина! Разбрасываться едой в моем доме! Я чрезмерно хорошо относилась к вам с Рета?! — Она прошла мимо дочери, даже не заметив ее.

Аяко убежала, пока Таэко ругала Коджи.

— Ты ублюдок! Я тоже поела бы ее стряпни! Почему вы ведете себя как свиньи?! Чертовы ублюдки...

Прибежав к дому Арасияма, она встретила Ханако, которая собиралась на работу. Поклонившись, Аяко поздоровалась:

— Доброе утро, госпожа Арасияма.

Ханако, выкатывая мотоцикл, улыбнулась ей:

— Аяко, доброго утра! Ты прибежала так рано. Пойдем, я покормлю тебя. Наверняка у тебя еще ни крохи, ни росинки во рту не было.

Аяко, склонив голову, прошептала:

— Правда... Коджи съел мой суп, который я приготовила вчера, и вылил остатки на пол.

Ханако коснулась ее головы и провела пальцами по спутанным волосам:

— Ничего. Пойдем. Потерпи немного. Как подрастешь, я смогу тебя взять на работу.

Главное — учись и не унывай!

Каори сидела в гостиной с чашкой чая. Она тоже привыкла вставать очень рано.

— Аяко, ты прибежала, — сказала она.

Ханако кивнула:

— Да, мам, покормишь ее? Я поеду посмотрю бумаги по расходам.

Каори взяла девочку за руку:

— Да, я позабочусь о ней.

После завтрака Каори сидела и расчесывала спутавшиеся волосы Аяко.

— Тебе стоит ухаживать за собой. Как у тебя все спуталось...

— Вы себя плохо чувствуете, госпожа Арасияма? — спросила Аяко, повернувшись к ней.

Каори, проведя пальцами по ее волосам, ответила:

— Нет, милая. Я просто в последнее время сильно устаю.

Аяко положила голову ей на колени и прилегла на диванчике:

— Пожалуйста, погладьте еще... Мне так не хватает этого дома. Чтобы меня... Мама...

Она больна, и я боюсь ее...

Каори гладила ее, успокаивая. Аяко даже чуть задремала: ей нравилось то душевное тепло, которого не давали дома.

Ближе к полудню они ушли гулять с Юки. Поднявшись вверх по улице, он привел Аяко к воротам приюта. Взявшись за руки, они вошли на территорию. Это место было настолько покрыто дурной славой, что его даже не охраняли: из-за нескольких несчастных случаев сюда вовсе перестали ходить.

Юки, показывая на одно из зданий, произнес:

— Мама отсюда сбежала через прачечную.

Он провел ее через небольшое помещение:

— Видишь, вот здесь она перелезла и рассталась с подругой. Если идти вдоль утеса, то придешь к нашему дому. Но это опасная тропа из-за гористой местности.

В здания они далеко не заходили. Проведя Аяко через калитку к другому корпусу, они оказались на небольшом кладбище.

Юки подвел ее к одной из могил и, склонив голову, тихо произнес:

— Это одна из подруг мамы. Ее убили в этом месте. Но Кирико приходит к ней по ночам и пугает.

Аяко прижалась к нему:

— Какое жуткое место... Ю... Давай уйдем. Мне страшно и не по себе здесь!

— Да... Хочешь мороженое? — предложил он. — Давай зайдем, возьмем. Мы ведь все равно пока погуляем здесь.

Уходя, она коснулась ладошкой надгробья Кирико и тихо попросила:

— Не сердитесь на тетю Ханако...

Аяко понравилось гулять по городку: она так далеко раньше не ходила и тем более не сидела в кафе. Для нее мороженое было чем-то необычным.

— Ю... Оно холодное, у меня во рту все сводит, но так сладко!

На лице Аяко играли солнечные лучи, пробиваясь через листву в парке. Для нее каждый день каникул был особенным, потому что она гуляла с другом и училась чему-то новому.

Но вечером, вернувшись домой, Аяко не получила даже той маленькой порции, что обычно давала ей мать.

Таэко, куря, как обычно, на кухне, бросила:

— Раз ты сама умеешь готовить, я не стала оставлять тебе ужин!

Аяко молча ушла в комнату. Копаясь в старых вещах, она искала то, в чем можно учиться плавать.

Таэко зашла к ней и спросила:

— Ты что ищешь? Этот хлам давно пора выбросить!

Аяко, встав у стены, тихо ответила:

— Меня обещали научить плавать...

Таэко подошла и приподняла ее голову за подбородок.

— Смотрю, ты похорошела. И кто это? Не ублюдок ли Арасияма?

Аяко отвела взгляд и стояла молча, прижавшись к стене. Таэко дала ей пощечину — на щеке остались царапины от длинных ногтей.

— Так я и знала!

Она на какое-то время вышла из комнаты, а вернувшись, бросила на ящик шорты и пару футболок.

— Это мои старые вещи. Все равно я не знала, куда деть это барахло. Можешь взять. И выкинь наконец эти старые тряпки — они уже никуда не годятся!

На улице стояла сильная жара, поэтому Аяко ждала Юки в гостиной. Ранние визиты Аяко для Каори и Ханако уже стали привычными: девочка всегда помогала по саду или на кухне.

Ханако, смазывая царапины на щеке гостыи, тихо спросила:

— Она снова бьет тебя?

— Мама болеет, — ответила Аяко и добавила: — Ей сложно меня воспринимать. Ведь я нежеланный ребенок — от иностранца, который ее изнасиловал.

Ханако прижала ее голову к себе.

— Ты не виновата в этом, даже если это правда. Зная Таэко, с ней могло такое случиться. Но она всегда была очень жестокой. Таэко никогда не признавала своей вины.

Аяко слушала, как бьется сердце Ханако, и прикрыла глаза.

— Спасибо... Вы такая добрая...

Ханако отпустила ее и встала.

— Мне пора. Будь хорошей девочкой.

Аяко осталась с Каори и помогала на кухне. Ей нравилось проводить время с ней: Каори часто хвалила ее, учила готовить и с удовольствием читала ей вслух. У них дома она узнала, что значит семья — в отличие от того, что было в окружении братьев и родной матери.

Юки спустился и уже звал ее:

— Ая... Ты готова?

Аяко встала с диванчика в гостиной.

— Да, Ю... У меня нет купальника, но мама дала мне шорты и пару футболок. Это подойдет?

— Вы хотите пойти купаться? — встревожилась Каори.

— Да, госпожа Каори. Юки будет учить меня плавать.

Каори взяла ее за руку и ласково погладила.

— Хорошо. Только будьте осторожны и не ходите туда, где глубоко!

Аяко, как всегда, следовала за Юки.

— Смотри, вот здесь мелко. Иди ко мне, Ая...

Они пришли к месту недалеко от того, где обычно рыбачили. Аяко неловко шла по каменистому дну.

— Ю... Я боюсь: вдруг поскользнусь и упаду.

Юки взял ее за обе руки.

— Не бойся, пойдем со мной. Попробуй почувствовать, как вода тебя держит. Тебе нужно просто расслабиться.

Аяко неуверенно легла на воду.

— Хорошо... Только не отпускай и не уходи...

— Не бойся. Я никуда не уйду. Чувствуешь, как вода поднимает тебя? — Он крепко держал ее.

Какое-то время Аяко привыкала к воде, потом встала на ноги.

— Мне кажется, я погружаюсь.

От испуга она резко прыгнула и обхватила его за шею.

— Юки, меня что-то коснулось — скользкое и противное! Мне страшно... Давай выйдем!

Он поддержал ее, чтобы она не упала, и вынес из воды.

— Не бойся. Это, наверно, была рыба или водоросль.

Встав на теплую от солнца гальку, Аяко вздохнула.

— Прости... Я постараюсь не бояться. Но это было так неожиданно...

Юки погладил ее по спутанным волосам.

— Все хорошо. Я рядом.

Это утешало Аяко: она была не одна, и от этого ей становилось легче. Они бегали вместе по кромке воды, брызгая друг в друга.

Юки сел отдыхать и предложил:

— Давай вечером порыбачим. Мы не ходили с начала каникул.

Аяко села рядом — ее белая футболка чуть просвечивала на солнце.

— Да! Может, у меня получится поймать что-нибудь крупное!

После их возвращения Каори сразу взяла Аяко за руку.

— Пойдем, я помою тебе голову: нужно смыть соль после морской воды и прополоскать одежду.

Вспенивая шампунь, она тихо заметила:

— У тебя красивые волосы, но они всегда такие спутанные. Давай я тебя расчешу после ванной!

— Спасибо, госпожа Каори, — поблагодарила девочка. — Мама мне никогда такого не делала.

После ванной Аяко послушно сидела перед Каори, пока та расчесывала ее волосы. Иногда попадались такие сильные колтуны, что их приходилось аккуратно подрезать.

Каори отложила расческу и ножницы, подвела девочку к зеркалу.

— Какая ты красавица! Посмотришь!

Аяко смутилась.

— Спасибо... Вы меня так хорошо подстригли.

Каори позвала Юки:

— Посмотри, какая у нас девочка красивая в гостях!

Аяко, покраснев от смущения, спряталась за Каори.

— Госпожа Каори...

Юки зашел из сада.

— Ая...

Она стояла, пряча взгляд, и тихо пробормотала:

— Простите... Я вам столько проблем доставляю...

Каори погладила ее по голове.

— Не волнуйся попусту. Оставь переживания взрослым.

Юки взял ее за руку.

— Правда, ты такая красивая! Пойдем: я уже собрал все для рыбалки.

На берегу моря Аяко выглядела еще более мило в отблесках солнечных лучей, искрящихся на волнах. Юки было не менее неловко теперь рядом с ней. Они сидели на большом валуне и тихо смотрели на воду. Над морем кружили чайки: ловили рыбу, кидаясь за ней в воду. Незаметно подошел вечер.

Аяко, как обычно, вошла на кухню за ножом.

— Тетя Ханако, можно я нож возьму?

Ханако подошла к ней:

— Подожди, я дам тебе платок — подвяжи волосы, чтобы не испачкать.

Аяко часто разделявала рыбу вместе с Ханако. К каникулам она уже хорошо справлялась одна.

— Спасибо, тетя, я справлюсь сама. Вы и так устаете.

Ханако, погладив ее по спине, позвала:

— Приходи с нами смотреть фейерверки. Посидим у костра, поиграем. Я еще что-нибудь принесу.

Аяко улыбнулась:

— Я обязательно приду!

Домой она пришла позже. Не став заходить через дверь, влезла в окно своей комнаты. Аяко по-прежнему спала на ящике, застеленном старыми вещами. Дома ничего не менялось: один день был страшнее предыдущего.

Утром, увидев ее, Таэко, облокотившись на буфет с сигаретой, бросила:

— Лучше б пожрать принесла, чем патлы свои расчесывать! И убери наконец в своей комнате...

Коджи толкнул ее:

— Че встала? Дай пройти. Мам, что поесть?

Таэко затынулась табачным дымом:

— Возьмите с Рета остатки супа на плите. Аяко и так сыта! А мне некогда с вами возиться: надо пойти поработать.

Коджи неосторожно проронил:

— Потрахаться...

За это он получил хорошую пощечину. Таэко трепала его за волосы:

— Что, осмелел? Ты жрешь, не зная голода, на эти деньги! Я постоянно покупаю вам с Рета новые вещи, а вы еще недовольны! Заткнись, щенок! И не раскрывай свой рот!

Аяко быстро скрылась в комнате и принялась разбирать вещи, чтобы выкинуть.

С кухни доносились крики и ругань. Коджи яростно выкрикнул:

— Да ты просто шлюха, которая обвиняет других...

Раздался грохот и стон Коджи:

— Не смей меня жизни учить! Ты даже с пола подняться не можешь, щенок!

За дверью раздался стук каблучков. В резко распахнутую дверь вошла взбешенная Таэко и замахнулась:

— Ты мне тоже что-то хочешь сказать?! Поучить меня жизни?!

Сжавшись от страха, Аяко, не поднимая головы, прошептала:

— Нет, мама...

Таэко ткнула пальцем в кучу вещей:

— Тогда хватит ковыряться в тряпье! Выкинь это! Иначе скоро крысы заведутся.

Ханако, привыкшая к ранним визитам Аяко, была удивлена, когда девочка пришла ближе к полудню. Аяко была вся в ушибах и еле шла под палящим солнцем.

Юки, заводя ее в дом, позвал:

— Мам, скорее!

Ханако сильно переживала за нее:

— Уложи Аяко на диван. Что случилось? Кто тебя так избил? Таэко... братья?..

Аяко, дрожа от страха, сквозь слезы проговорила:

— Коджи... Его мама наказала за то, что он учил ее жизни, а он после сорвал злобу на мне...

— Я изобью этого гада! — вспыхнул Юки.

Ему преградила путь Каори:

— А ну стой! Даже не вздумай!

Юки прикусил губу и поморщился — как обычно делала Ханако, когда была чем-то недовольна.

— Но, бабушка, этот подонок...

Каори сверкнула глазами, подобно кобре:

— Сядь! Ты сейчас нужен здесь! Она проделала такой путь по жаре не для того, чтобы ты побежал драться!

Юки не стал перечить. Весь день он провел рядом с подругой. Ханако, привезя продукты, что-то готовила на кухне, а Каори, положив голову Аяко себе на колени, читала им с Юки один из сборников легенд, что были у нее.

Этим вечером они ужинали в гостиной. Ханако приготовила много сладостей для Аяко и суши, которые очень нравились их частой гостье.

Аяко неловко встала:

— Простите, мне нужно домой.

Ханако взяла ее за руку:

— Сегодня переночуешь у нас: уже очень поздно. Поспишь у меня в комнате. Она небольшая, но нам с тобой места хватит.

Аяко, вытирая слезы, тихо хныкала:

— Спасибо...

Ханако погладила ее:

— Я наберу тебе ванну. Как ты себя чувствуешь? Тебе нужна помощь?

Аяко присела на диван:

— Спасибо, мне уже лучше. Больше не болит так сильно.

После ванны она забралась в постель к Ханако:

— Как мягко... Никогда не спала на таком. Дома я сплю на ящике из порта.

Ханако накрыла ее одеялом и обняла:

— Таэко совсем не следит за тобой!

Ночь для них выдалась непростой. Аяко пугало бормотание Ханако, мучившейся от ночных кошмаров:

— Пожалуйста, нет! Что тебе нужно от меня? Убирайся... Кирико, пусти...

— Тетя, мне страшно, — Аяко начала трясти Ханако, чтобы разбудить. — Вы меня пугаете... Пожалуйста, проснитесь! Я боюсь.

Ханако села на кровати:

— Я не хотела тебя пугать. Мне часто снятся ночные кошмары... Хочешь, я сварю какао?

Аяко, замешкавшись, ответила:

— Да. Мне нравится, как вы его делаете. Он всегда такой вкусный.

Ханако, выходя из комнаты, сказала:

— Не бойся. Здесь тебя никто не обидит. Посиди немного, я скоро вернусь.

Аяко сидела и смотрела в окно на звезды. Ханако вернулась, принесла две большие чашки с какао и блюдо с домашним печеньем.

Девочка взяла чашку и немного отпила:

— Вот бы моя мама была такой же доброй, как вы... А братья помогали и учили бы всему, как Ю...

Ханако погладила ее по голове:

— Не плачь, Ая... Будь сильной, раз судьба так несправедлива к тебе. Я много потеряла в жизни. С детства мне знакомо, что значит быть одной и терпеть невзгоды. Ты для нас как родная, и мы поможем тебе, если попросишь.

Аяко понемногу успокаивалась:

— Спасибо вам. Мне кажется, я вас люблю больше, чем родную мать... Тетя Ханако, это нормально?

— Таэко сложно любить, — Ханако чуть наклонила голову, и ее улыбка стала очень теплой. — Она никогда никому этого не позволяла. С первого дня в школе она издевалась и оскорбляла меня, не дав шанса даже просто поговорить с ней.

Аяко допила какао:

— Мама во всем винит вас... В том, что мы живем в старом доме, что ее выгнали из школы, что мы бедные, а ей приходится заниматься... чтобы хоть как-то нас прокормить! Но я ей не верю. Ведь она всегда хорошо одевалась, а Коджи и Рета едят досыта... Просто я нежеланный ребенок дома...

Ханако легла в кровать:

— Не поверю, что у Таэко денег нет! Она очень изворотливая, и вряд ли хранит крупную сумму дома. Но тебе нужно думать о другом! Надо учиться, чтобы поступить в университет, а о деньгах не волнуйся.

Она взяла Аяко за мизинчик:

— Обещаю: как только подрастешь, помогу тебе с работой и учебой.

Аяко вернулась домой раньше обычного. То, что дочь не ночевала дома, Таэко даже не заметила. Она вошла на кухню, когда девочка готовила ужин из свежей рыбы и овощей, которые дала Ханако в благодарность за помощь на огороде и в саду.

Таэко подошла и сжала ее плечо:

— Откуда это? Ты украла?

Аяко испуганно встала:

— Нет, мама! Овощи мне дали в благодарность за помощь, а рыбу я сама поймала. Меня научили...

Таэко взяла кусок рыбного филе:

— И кто же тебя такому научил? Этот поганец? Хотя мне все равно! — Она оттолкнула ее. — Я никогда не хотела тебя, и ты жива лишь потому, что тебе хватало минимума для выживания. Тебя не забрала ни болезнь, ни голод, а сама я не стала этого делать! Скажи, ты ненавидишь меня?

Аяко, не колеблясь, посмотрела ей в глаза:

— Нет, мама.

Таэко, взяв нож, устало вздохнула:

— Это хорошо. Я возьму часть. Нужно приготовить что-нибудь на ужин, кроме пустого риса. Соль и крупы на полке: если нужно, возьми немного.

Таэко не умела делиться, но все же для дочери сделала исключение, зная, что Аяко не возьмет много. В комнату с кухни доносилась ругань Коджи и Реты из-за лишнего куска рыбы.

Улегшись на свою жесткую постель, Аяко смотрела в окно на небо:

— Обещаю, тетя Ханако, я буду сильной, как вы!

В день фестиваля Аяко убежала, как обычно, рано утром. Коджи и Рета планировали сходить что-нибудь стащить на празднике.

Ханако вышла в сад:

— Аяко, ты, как всегда, рано. Пойдем позавтракаем.

Взяв ее за руку, она предложила:

— Сегодня мы устроим пикник. Поможешь нам готовить?

— Да, тетя Ханако, — в голосе Аяко появились нотки радости.

Юки уже не спал: он готовился пойти на рыбалку и сложить кострище на пляже. Проходя через гостиную, он торопливо бросил:

— Ая, ты пришла! Я пойду готовить место для костра. Подожди дома.

Она робко ответила:

— Я помогу госпоже Каори и тете Ханако на кухне с готовкой.

У Аяко уже хорошо получалось лепить колобки из риса для суши. Ее пальчики ловко справлялись с тонкой работой по украшению блюда. Ханако и Каори нравились ее баловать. Поскольку Юки ушел надолго, они вдвоем сидели и пили чай после приготовления угощений.

Юки, сложив кострище, ходил и собирал дрова. Он планировал еще немного порыбачить, пока было время.

Ханако с Аяко спустились к нему с обедом.

— Ю, ты уже закончил с приготовлением?

— Да, мам, — ответил он. — Ая, хочешь порыбачить?

Ханако взяла Аяко за руку:

— Ю, я заберу Аяко: нам же нужно еще нарядиться к фестивалю! Ей нужно подобрать юкату. Ты и сам долго не задерживайся.

Каори была очень хорошей хозяйкой: в ее доме никогда не было испорченных или плохих вещей.

Аяко после ванны сидела в гостиной, пока Ханако просушивала и расчесывала ее волосы.

Юки, вернувшись с рыбалки, увидел в доме совсем другую девочку. Аяко была наряжена в оранжевую юкату с узорами из цветов, ее волосы были аккуратно собраны. Она очень сильно преобразилась благодаря стараниям Каори и Ханако.

Они стояли вдвоем в гостиной, готовые к выходу.

— Вы все такие красивые!

Ханако смеялась, шутя над Юки:

— Правда? Ты не узнал бы Аяко в таком наряде?

Юки, покраснев, протянул:

— Угу...

— Пойдемте немножко погуляем по фестивалю, — торопливо звала Ханако, — а затем вернемся смотреть фейерверки на наше место.

Юки переоделся и спустился к ним. Они с Аяко ходили по разным торговым точкам и палаткам с развлечениями. У одной из палаток мимо пробежал Коджи — он столкнулся с ней, а следом бежал мужчина, ругаясь.

Коджи, сгребая рассыпавшиеся деньги, буркнул:

— Че вылупилась!

Он явно не узнал сестру. Вскочив, Коджи нырнул за палатку и побежал через свободную улицу.

Мужчина остановился, запыхавшись:

— Чертовы Окада! Шлюхины дети, вы получите у меня! Я вам всем устрою!

Юки помог подняться Аяко и закрыл ей уши, чтобы она не слушала ругань.

Мужчина сердито посмотрел ей в лицо:

— Ты чем-то напоминаешь дочь этой портовой проститутки Таэко! Эти Окада все до последнего — гниль, ворье и шлюхи...

Каори подошла и дала ему пощечину:

— Не смей оскорблять и судить людей по происхождению! Если тебя обокрал тот пацан, то иди его догоняй!

Местные хорошо знали ее, поэтому мужчина, развернувшись, отошел.

Аяко, расстроившись, спросила:

— Госпожа Арасияма, я правда такая плохая? Правда, что я вся гнилая и не смогу стать никем, кроме...

Каори прижала ее к себе:

— Нет, это ложь! Ты хорошая девочка. Не слушай его.

Мужчина повернулся и смотрел в глаза Аяко — это ее пугало. Громким голосом он произнес:

— Аяко, передай этим недоноскам, что я им кости переломаяю, если поймаю!

Каори поднялась, опираясь на трость:

— Уйдите! Не пугайте девочку! Она ни вам, ни кому другому здесь плохого не сделала! Не смейте ее и пальцем тронуть — я вам этого не позволю!

Ханако, пробравшись через толпу, подошла со сладостями:

— Что здесь случилось?

Аяко вытирала слезы:

— Коджи врезался в меня. Брат обокрал этого человека, а он отругал меня за это.

Мужчине стало неловко.

— Простите, я наговорил лишнего. Заходите к нам — мы вас угостим в качестве извинения. Аяко, ты правда всегда была добра ко всем. Оставайся такой же.

Мужчина и правда хорошо извинился перед девочкой: он как следует накормил ее и всю компанию.

Ближе к вечеру они уже отдыхали на берегу, дожидаясь начала салюта. В этом месте было очень хорошо видно фейерверки, а море, отражая огни, делало зрелище еще красивее. Становилось прохладнее; на берегу уже потрескивал костер.

Юки показал на небо:

— Смотри, Ая... Начинается!

В ее глазах отражались цветные искры.

— А-а-а, как здорово! Здесь правда самое лучшее место, чтобы смотреть на салют.

Наевшись досыта, Аяко уже задремала от усталости. Юки нес ее домой на спине. Ханако шла, помогая Каори.

— У Юки хорошая подруга, правда, мам? — сказала Ханако.

— Да. Эта девочка вырастет доброй и воспитанной, — Каори, улыбнувшись, обняла ее за руку. — Она усердно учится и старается помогать нам изо всех сил.

Аяко уложили в комнате Ханако.

— Спасибо, Ю... Дальше я о ней позабочусь. Ты наверняка устал, проделав такой путь в гору.

Каникулы прошли для нее беззаботно. Последние дни Аяко по-прежнему проводила с Юки в доме Арасияма: занималась и помогала по уходу за садом. Она всегда приносила домой свежие овощи. Таэко не сильно заботило, где пропадает дочь, — даже если та не ночевала дома.

К новому триместру Аяко немного поправилась. Она пришла в школу не как обычно — забитая и запуганная, в грязной форме. Напротив, изменившаяся Аяко была одета не хуже братьев, которые всегда ходили в чистой и новой одежде. Чтобы избегать нападок Коджи и Реты, она обычно уходила с Юки — делать уроки вместе и немного погулять. На какое-то время Коджи и Рета отстали от нее: лазая в порту, они воровали и дрались.

Глава 3: Осень печали. Два года спустя

Аяко уже вытянулась и была ростом выше Ханако. Юки и вовсе стал очень высоким к четырнадцати годам.

Одним из осенних дней, вернувшись из школы, они обнаружили Каори лежащей на полу. Юки тут же бросил сумку и побежал к Ханако в ресторан.

— Ая... Побудь с бабушкой Каори.

Аяко принесла подушку и подложила ее ей под голову:

— Госпожа Арасияма, что случилось?

— Спасибо, дорогая, — тихо сказала Каори. — Мне просто стало дурно. Не могу встать...

Аяко плакала, вытирая слезы:

— Вы вся холодная! Я сейчас укурую вас. Ю... побежал за тетей Ханако.

Юки ворвался в кабинет:

— Мам, скорее! Бабушке плохо! Аяко осталась с ней дома.

Ханако резко побледнела. Схватившись за телефон, она позвонила доктору Сэцуко.

— Поехали! Сейчас вызову врача...

Семью Арасияма сильно подкосила страшная новость: Каори положили в больницу. Ханако металась между рестораном и матерью: она проводила много времени у нее. Из-за учебы Юки не мог часто находиться рядом — он оставался дома с Аяко.

Они сидели в комнате и занимались.

— Ю... А с госпожой Каори все будет хорошо?

— Не знаю, — сдержанно произнес он. — Врач сказал, она долго болела... Нам сейчас лучше больше заниматься.

Аяко тихо ответила:

— Угу...

Теперь в доме висело напряжение. Ханако всегда возвращалась поздно и часто ложилась спать без ужина. В школе тоже начали ходить разные слухи о семье Арасияма.

Коджи и Рета подошли к Юки, усмехаясь:

— Слышал, что эта ведьма скоро сдохнет, и вас вышвырнут на улицу!

Юки ударил его по лицу:

— Не смей так говорить!

— Вот увидишь, — Коджи повернулся к нему. — Она сдохнет! А ты с твоей сукой окажетесь на улице. Тогда мы убьем тебя!

Рета тупо поддакивал:

— Вы сдохнете, как собаки!

Коджи и Рета отскочили и выбежали из класса:

— Твоя ведьма подохнет, и вы станете нищими!

Юки вышел умыться, чтобы остудить голову. В его мыслях вертелось: *«Почему это происходит? Есть люди, которые меньше достойны жить... Так почему именно она...»*

Он почувствовал удар в спину:

— Получи, ублюдок!

Коджи и Рета вели себя подобно гиенам, пока Юки был сильно подавлен происходящим. Они пытались спровоцировать его на драку, чтобы наверняка добавить проблем в его жизнь.

Юки, напротив, по возможности избегал этого. Они с Аяко иногда заходили к Каори в больницу. Она теперь часто спала и была уже очень слаба, и порой посещать ее им не разрешали.

Теперь жизнь Каори утекала, словно вода. Вложив в руки Ханако свою шпильку для волос, она попрощалась в последний раз:

— Возьми, дорогая. Это ключ от моей шкатулки. Никому не отдавай его! Там ваше будущее с Ю... Прости, что я не могу вам дать большего...

Ханако прижимала к лицу ее остывающую руку:

— Пожалуйста, не уходи, мама... Я так буду скучать по тебе...

Вернувшись домой, она зашла в комнату Юки. Молча сев рядом, тихонько гладила его по голове. Этой ночью Ханако не спала: она лежала в постели, крепко сжимая шпильку. Юки спал беспокойно, словно чувствуя неладное.

Утром он, проснувшись, увидел усталое лицо матери.

— Сегодня ты не пойдешь в школу. Я позвоню, попрошу, чтобы Аяко отпустили с занятий к нам. Нужно еще связаться с семьей Мизучи. Лучше всего будет позвонить госпоже Нацуко...

Юки смотрел на шпильку, сжатую в руке матери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.